

Научная статья

УДК 811.512.157'366.5

DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке

Ирина Борисовна Иванова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Аннотация

В статье представлен результат морфо-синтаксического анализа наиболее популярных глагольных конструкций, обозначающих в якутском языке функционально-семантическое понятие «возраст человека». Объектом исследования послужили устойчивые словосочетания якутского языка в формате синтаксических конструкций, в составе которых имеются глаголы и причастия. При анализе предикативных конструкций особое внимание уделяется не только морфологическим формам, грамматическим показателям, но и семантическим особенностям. Выявлено, что при выражении функционально-семантического понятия «возраст человека» в якутском языке принимают участие предикативные конструкции, в составе которых два вида причастий – причастия с аффиксом обладания -лаах и причастия с аффиксом давнопрошедшего времени глагола -быт. Конструкции с -лаах обладают универсальным значением и обозначают любой возраст человека. В репродукции грамматического окружения предикатов с аффиксом -быт выявлены следующие лексико-семантические группы актантов, служащие в роли субъектов, объектов действия: языковые конструкции, в состав которых входят названия частей конечностей, тела, головы человека (*сис* ‘поясница’, *буут* ‘ляжки’, хол ‘руки’, *борбуй* ‘подколенки’, *мэйии* (эй) ‘мозг’), используются исключительно для описания возраста молодых, крепких, умных людей; названия ороговевших тканей человека (*баттах/ас* ‘волосы’, *бытык* ‘борода, усы’, *тиис* ‘зубы’), используются исключительно для описания возраста пожилых людей. Было выявлено, что в конструкциях со сложным изафетом глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в архаичном родительном падеже (GEN) -н, в конструкциях с простым изафетом глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) -н. «Метеорологическая» лексема *хаар* зафиксирована в двух видах глагольных конструкций: с глаголами *үктэн* ‘наступить’ – наступление года; с глаголами *туһэрбит/ууларбыт* ‘растопил’ – проживание года.

Ключевые слова

якутский язык, функциональная грамматика, лингвистика конструкций, причастия, функционально-семантическое поле, возраст

Для цитирования

Иванова И. Б. Глагольные конструкции как средство выражения понятия «возраст человека» в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 39–50. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

© Иванова И. Б., 2022

Verb Constructions Expressing the Functional-Semantic Concept *HUMAN AGE* in the Yakut Language

Irina B. Ivanova

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation

imenaotglagola@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0361-5708>

Annotation

The article presents the results of a morpho-syntactic analysis of the most common verb constructions denoting the functional-semantic concept 'human age' in the Yakut language. The subject matter of the study is set expressions in Yakut containing verbs and participles. The relevance of the study is due to the lack of knowledge about the functional-semantic concept *PERSON'S AGE* in Yakut linguistics. Scientific novelty of the study is in paying special attention not only to morphological forms and grammatical features, but also to semantics. It was shown that in expressing the functional-semantic concept *PERSON'S AGE* in the Yakut language, predicative constructions are used, including two types of participles: with the affix of possession *-laah* and with the affix of the past tense of the verb *-byt*. Constructions with *-laah* have a universal meaning denoting any age of a person. In the reproduction of the grammatical environment of predicates with the affix *-byt*, the following lexical-semantic groups of actants serving as subjects or objects of action were identified: *borbui* 'knees' and *meii* (өй) 'brain' are used exclusively to describe the age of young, strong, intelligent people, while the names of tissues composed of cornified cells (*battakh* 'hair', *bytik* 'beard, mustache', *tiis* 'teeth') are used exclusively to describe the age of older people. Further, it has been shown that in constructions with complex *izafet* the verbs of qualitative change of state are combined with a name in the dead genitive case (GEN) -n, in constructions with simple *izafet* the verbs of physical influence on an object operate with a name in the accusative case (ACC) -n. The 'meteorological' lexeme *haar* is recorded in two types of verb constructions: with the verbs *ykten* 'to come'—the onset of the year; and with the verbs *tuherbit/uullarbyi* 'melted'—living through the year.

Keywords

the Yakut language, functional grammar, construction linguistics, participles, gender, age

For citation

Ivanova I. B. Verb Constructions Expressing the Functional-Semantic Concept *HUMAN AGE* in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 39–50. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-3-39-50

Введение

Одним из универсальных культурологических понятий для людей во все времена являлся возраст человека и связанная с ним тема продолжительности земной жизни. Из-за этого у разных народов выработались свои (иногда уникальные) системы языковых средств, отражающих опыт интерпретации продолжительности жизни человека в их материальном и духовном измерении. Носители языка определяют возраст по-разному в соответствии со спецификой своего личного или группового менталитета, особенностями жизненного опыта, накопленной суммой знаний и представлений о жизни в этом мире.

В языке функционально-семантическое понятие «возраст человека» — это система морфологических, синтаксических и лексических средств, взаимодействующих в рамках выполнения общей функции, которая состоит в выражении как возраста человека в целом, так и его естественной стадии (детство, юность, зрелость, старость), либо же продолжительности жизни, членимой по другим критериям на этапы и/или периоды.

Цель статьи заключается в реконструкции этого фрагмента языковой картины мира, для того чтобы эксплицировать с точки зрения лингвистики скрытое в языковых формулах отношение якутского народа к возрасту человека и продолжительности жизни. В качестве **объекта** исследования выступили глагольные, в том числе причастные, конструкции, выражающие это понятие, а материалом стали наиболее популярные в якутском языке единицы (около 20 примеров), выделенные путем сплошной выборки из печатных текстов олонхо, фразеологических и толковых словарей.

В рамках работы нами был проведен анализ динамического аспекта функционирования грамматических единиц с точки зрения их взаимодействия с элементами других уровней языка, что позволяет рассматривать это исследование как функционально-семантическое. В результате раскрывается особое видение якутским народом окружающего мира, бытовых ситуаций, этикетного поведения, традиций и обычаев.

В отечественном языкознании исследование понятия «возраст» является довольно популярной лингвистической темой и ведется в разных аспектах. Изучаются языковая картина мира (Т. И. Воронцова, Е. С. Кубрякова, М. М. Маковский, З. Д. Попова), когнитивная семантика (О. В. Бахмет, М. Г. Лебедько, Ю. Ю. Литвиненко, Е. В. Рахилина [2011], С. С. Сагатова [2005]) и другие. Тема возраста человека в менталитете якутского народа привлекает также внимание философов, этнографов, этнопедагогов (А. Е. Кулаковский, К. Д. Уткин, Г. С. Попова (Санаайа)).

В якутском языкознании проблематика представлена рядом научных статей о семантике различных фразеологических оборотов и эпических формул олонхо в лингвокультурологическом аспекте, авторами которых являются Л. М. Готовцева, А. В. Андреева [2006], Р. Н. Анисимов [2018], Ю. П. Борисов [2019] и другие.

Методология анализа, принятая в данной статье, опирается на теоретические работы отечественных исследователей функциональной грамматики русского и иностранных языков. Она реализует принцип «от семантики к ее формальному выражению», разработанный А. В. Бондарко [2006; 1996]. В ней представлена также популярная в западной лингвистике теория грамматики конструкции, основанная Чарльзом Филмором [Fillmore et al., 1988] и развитая его последователями [Croft, 2001; Goldberg, 2006; Tomasello, 2003]. В отечественной лингвистике первым применил грамматику конструкций Ю. Д. Апресян. На основе глагольных конструкций он сформулировал основополагающие постулаты о взаимовлиянии семантики и синтаксиса [Апресян, 2011, с. 548–557]. Дальнейшее развитие это направление грамматики получило в трудах Е. В. Рахилиной, В. А. Плунгяна, С. С. Сай, Л. А. Шаминой и многих других.

С учетом особенностей репрезентации и семантической структуры рассматриваемой категории в статье были применены методы поморфемного описания, полевого структурирования функциональной семантики, структурно-семантического моделирования. В расшифровке внутренней формы синтаксических конструкций использованы методы глоссирования, основанные на лейпцигских правилах глоссирования.

Основная часть

Продолжительность жизни тесно связана с климатическими параметрами окружающей среды. Якуты – народ, который испокон веков почти в буквальном смысле слова выживает в суровых условиях Крайнего Севера. Неслучайно ссылка в эти места практиковалась в России как очень жесткая мера наказания и применялась лишь по отношению к самым опасным преступникам. Неслучайно древние якутские старцы-мудрецы образно сравнивали кратковременность человеческой жизни в этом Срединном мире якутов с мгновением, за которое «всадник проскакивает мимо окна» [Кулаковский, 2012, с. 315]. По этой причине, когда речь касалась продолжительности жизни, они демонстрировали большую суеверность и всячески избегали этой темы. У них не было принято говорить вслух про точный возраст, нужно было обозначить его как-то завуалированно, то есть с помощью аллюзии, образно. Из-за высокой детской смертности особенно трепетно якуты относились к теме выживаемости детей. Женщины рожали в среднем по 20 детей, из которых выживали только один или два; по сведениям этнографов, было много бездетных пар, что отразилось и в языке (*оҕо турбат ыала* ‘бездетная семья’) [Серошевский, 1993, с. 507; Готовцева, Андреева, 2006, с. 264]. Якуты практиковали тайное исполнение обряда, называемого *абааһыттан куоттарары* (‘спрятать от злого духа’), целью которого было спасти хотя бы одного ребенка, для чего он передавался на воспитание другой

семье. Существовало поверье, согласно которому до семилетнего возраста *кут* (т. е. душу ребенка) нужно скрывать, потому что ее может легко украсть нечистый дух.¹

До этого возраста – опять же, чтобы защитить от *абаасы* ('злой дух') – ребенку не давали настоящего имени, заменяя его разными «плохими» кличками вроде *Кусабан уол* ('Плохой мальчик'), *Кусабаллай* ('Плохиш') и т. п., именами зверей, среди которых были популярны *Моботой* ('Бурундук'), *Куобах* ('Заяц'), или какими-нибудь причудливыми, подчеркнуто якутскими выражениями вроде *кыптыый кырадаһына* ('кусочек ножницы'), *хабды сэмнэбэ* ('объедки куропатки') [Готовцева, Андреева, 2006, с. 263]. По прошествии опасного кризисного возраста ребенка возвращали в семью.

Когда каждый твой день – это борьба за выживание (зимой – с трескучим морозом, а летом – с изнуряющей жарой, работая при этом до седьмого пота, чтобы прокормить себя и семью), у людей не было внутренней установки запоминать дни рождения, возраст. Точный возраст и дату рождения своих пожилых родственников многие не могут определить и сейчас, поэтому некоторые отмечают свой день рождения дважды: по метрике и по собственным догадкам. *Мин ыспаанка сый күүһүгү хараһаба төрөөбүтүм* ('Я родилась в год испанского гриппа глубокой осенью') означает, что женщина родилась в 1924 году.

Но в то же время якуты, как народ древней культуры, не только знали все тонкости жизнедеятельности человека, понимали, когда наступает кризисный для подрастающего поколения (пубертатный) период жизни, но и умели также связывать это взросление с воспитанием ребенка в семье, с вероисповеданием, с отношением к предкам, родителям и т. д. Об этом свидетельствует, например, выражение *уллуһаба хараарда* ('пятки почернели') применительно к ребенку.

Уол оҕо уллуһаба хараарда да, дьуэ ис-тас үлэтигэр көмөлөһөн барар диһилэр. – 'Говорят, мальчик, как только почернеют пятки, должен помогать по дому, по хозяйству'.

«Завуалированные» средства выражения возраста

В якутском языке обнаруживаются также косвенные («завуалированные») средства выражения возраста человека, которые представлены также глагольными конструкциями.

Лексема *саас* ('возраст'), имеющая значения 'определение возраста; продолжительность жизни человека; период жизни человека; годы', тесно связана с понятиями *сый* в различных его значениях ('год; период времени, охватывающий ряд лет, на протяжении которого проходит какая-либо пора жизни'), *үйэ* 'век' и *олох/өлүү* ('жизнь/смерть', *дьылба* 'судьба').

К грамматическим средствам выражения понятия «возраст человека» мы относим глагольные и причастные конструкции, выступающие в функции определения субъекта. В данной статье внимание сосредоточено на морфо-синтаксических конструкциях, которые обладают достаточно большой частотностью в речи, так как они составляют основу известных эпических формул, использующихся в разговорной коммуникации, художественной литературе и якутском эпосе (олонхо). Зачастую они на них основан ритмико-синтаксический параллелизм как один из видов сложных предложений, состоящих из двух или нескольких простых или сложных предложений, аналогичных по построению. В 1969 году Е. И. Убрятова первой из языковедов указала на особенный характер якутского стиха в статье «Синонимы и структура якутского параллелизма» [Убрятова, 2011, с. 234–242].

Исследование морфо-синтаксических особенностей глагольных конструкций состоит из выявления тех компонентов, которые являются доминирующей частью в усилении семантики того или иного высказывания, связанного с мотивом возраста. К таковым относятся: лексема *саас* 'год', соматизмы (части туловища человека, роговые части тела человека) и лексема *хаар* 'снег'.

¹ Об этом повествует, например, роман И. Гоголева «Хара кыталык» ('Черный стерх').

Причастные конструкции с компонентом *саас* 'год'

Понятие *саас* 'возраст, лет', в первую очередь, выражается сочетанием имени числительного и существительного *саас* 'лет' с аффиксом обладания *-лаах* и формой сказуемого настоящего времени 1 или 2 лица единственного и множественного числа. Форма причастия третьего лица не имеет аффикса сказуемого настоящего времени.

(1)

<i>Мин</i>	<i>10</i>	<i>саас</i>	<i>-таах</i>	<i>-нын</i>
S	Num	саас	Prop	Pres
'Я'	10	лет	име	-ю'.

(2)

<i>Мин</i>	<i>биэс</i>	<i>-тээх</i>	<i>-нин</i>
S	Num	Prop	Pres

Склонение причастия с *-лаах*

	Единственное число	Множественное число
1 л.	(1) <i>Мин 5 саас-таах-нын</i> (2) <i>Мин биэс-тээх-нин</i> 'Букв. Я имею 5'	(1) <i>Биһиги 5 саас-таах-хыт</i> (2) <i>Биһиги биэс-тээх-нит</i> 'Букв. Мы имеем 5'
2 л.	(1) <i>Эн 5 саас-таах-хын</i> (2) <i>Эн биэс-тээх-хин</i> 'Букв. Ты имеешь 5'	(1) <i>Эһиги 5 саас-таах-хыт</i> (2) <i>Эһиги биэс-тээх-хит</i> 'Букв. Вы имеете 5'
3 л.	(1) <i>Кини 5 саас-таах</i> (2) <i>Кини биэс-тээх</i> 'Букв. Он (она) имеет 5'	(1) <i>Кинилэр 5 саас-таах-тар</i> (2) <i>Кинилэр биэс-тээх-тэр</i> 'Букв. Они имеют 5'

Как видно, семантика предложений со значением 'иметь возраст' формируется аффиксом обладания *-лаах*, который состоит из глаголообразующего аффикса *-лаа* и *-х* [Убрятова, 1950, с. 244], в результате чего образуется причастная конструкция со значением «снабженный возрастом». Аффикс присоединяется к количественным числительным или существительному 'саас': *14-тээх кыыс* '14-летняя девушка', *сүүрбэ саастаах уол* '20-летний юноша'. Заметим, что при обозначении возраста субъекта с помощью местоимения 3 лица аффикс сказуемого настоящего времени единственного и множественного (с аффиксом *-лар*) чисел отсутствует, а указание на возраст в конструкциях типа *14-тээх* '14-летний', *саастаах* 'летний' осуществляется с помощью адъективной формы.

Другими словами, в конструкциях со значением «возраст человека», в которых субъект (человек) является определяемым предметом, в роли определителя применяется «причастный изафет» [Убрятова, 1950, с. 45], выраженный целым предложением с самостоятельным подлежащим. Данный член определительного предложения является частью определяемого, т. е. компонента, обозначающего человека, и выражается аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа *-а*, *-э*.

Причастные конструкции с соматическими компонентами

В выборке с описанием возраста человека нами зафиксированы конструкции, основанные на словосочетаниях существительного и причастий, где существительные представлены различными соматизмами, а причастия – глаголами состояния.

1. Конструкции с причастиями от глаголов качественного изменения и физического воздействия на объект.

В эпосе для описания момента достижения мальчиком² физической зрелости, взросления, возмужания часто используется фразеологическая единица со значением '[ребенок] подрост, стал крепче держаться на ногах'.

<i>Оҕо киһи</i>	«У мальчика
<i>Буутун этэ буспут,</i>	Ляжки поспели,
<i>Сиһин этэ сиппит,</i>	Поясница окрепла,
<i>Холун этэ хойдубут,</i>	Руки затвердели,
<i>Бухатыырга мөссүүннээх буолбут</i>	Стал на богатыря походить».
[Үрүн Уолан бухатыыр с. 28]	(Пер. наш – И. И.)

<i>Буут-у-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>бус-пут,</i>
<i>Сиһ-и-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>сип-пит,</i>
<i>Хол-у-н</i>	<i>эт-э</i>	<i>хойд-(у)бут...</i>

Noun-POSS.3sg-GEN 'плоть'-POSS.3sg V-Npst

В приведенной определительной предикативной конструкции представлен сложный изафет, где первый компонент оформлен с помощью родительного падежа *-н* (GEN), который уже не употребляется в современном якутском языке, и поэтому считается омертвелым «грамматическим излишеством», хотя и сохранился как средство передачи определенности и уточнения [Филиппов, 2010, с. 94]. Сложный изафет состоит из двух частей: первое имя с аффиксом принадлежности в родительном падеже *-н* в сочетании со вторым именем *эт* 'плоть' выполняют роль подлежащего определительной придаточной части в предложении. В качестве сказуемого представлены глаголы-синонимы *бус* 'созреть', *сит* 'созреть', *хойун* 'созреть' с аффиксом давнопрошедшего времени *-быт*.

Глаголы *бус* и *сит* в сочетании с соответствующими существительными имеют в своем значении семемы 'достичь зрелого возраста, окрепнуть, закалиться' [ТСЯЯ II, с. 581] или 'достичь какого-либо возраста, быть в каком-либо возрасте'. *Сыгыннах киһилэрэ сааһын сана ситэн эрэр оҕочоос эбит. Саха фольк.* [ТСЯЯ VIII, с. 457].

Глагол *хойун* 'становиться гуще, сгущаться, загустевать' в сочетании с *эт* 'плоть' или *мэй-и* (өй) 'мозг' обозначает качественное изменение тела или мозга человека в результате достижения того или иного возраста. Таким образом, глаголы в сочетании с *эт* 'плоть' презентуют себя как глаголы изменения количественного и качественного признака объекта.

Данная трехчленная эпическая формула, где один член предложения повторяется, а остальные два образуют альтернативные синонимические пары, используется для достижения ритмико-синтаксического параллелизма эпической формулы [Убрятова, 2011]. Повторяющийся компонент *эт* 'плоть', который сочетается с именем существительным посредством изафета, занимая положение второго члена изафетного сочетания и имея при себе аффиксы принадлежности 3 лица единственного числа – *эт-э* 'плоть его' часто встречается во фразеологизмах со значением возраста человека в алтайском, тувинском и хакасском языках, чего нельзя сказать о соматизмах *буут* 'ляжки', *сис* 'поясница', *хол* 'руки' [Анисимов, 2018, с. 9].

Причастные конструкции с глаголами физического воздействия на объект *туппут* 'сдерживать', *көтөхнүт* 'поднять' представляют собой устойчивые словосочетания, состоящие из двух компонентов:

² В большинстве случаев речь идет о мальчиках.

Эт	туп-пун	‘возмужал’
Өй-үн	туп-пун	‘поумнел’
Борбуй-ун	көтөх-пун	‘подрос’

Noun-ACC V-Npst

Фразеологическая единица эт туппун (букв. ‘тело держать’) ‘подрос, стал крепче держаться на ногах’ [Нелунов, 2002, с. 411] обозначает возраст человека через внешние физические (качественные и количественные) изменения его тела. А устойчивое словосочетание өйүн туппун (букв. ‘мозг держать’) ‘поумнел’ показывает возраст человека как результат его умственного развития (ср. в русском ‘окрепнуть умом’, ‘стать крепким умом’). Единица борбуйун көтөхпун (букв. ‘поднял подколенки’) ‘немного подрос, стал крепче держаться на ногах (о ребенке, о детеныше животного)’ [ТСЯЯ II, с. 387–388] обозначает возраст через физические возможности объекта.

Таким образом, в конструкции со сложным изафетом глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в родительном падеже (GEN) -н, а в конструкции с простым изафетом глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) -н. Также заметим, что языковые конструкции, в состав которых входят названия конечностей и их частей, туловища, головы человека (сис ‘поясница’, буут ‘ляжки’, хол ‘руки’, борбуй ‘подколенки’, мэйи (өй) ‘мозг’), используются исключительно для описания возраста молодых, крепких, умных людей.

2. Конструкции с названиями роговых частей тела человека: ас, баттах, бытык, тиис.

Конструкции, в составе которых содержатся названия роговых образований на теле человека (ас/баттах ‘волосы’ и бытык ‘усы’, или тиис ‘зубы’) указывают на глубокий старческий возраст человека, который отличается от молодых и зрелых поседевшими волосами, усами, длинной бородой или отсутствующими зубами.

Темпоральные конструкции с причастием будущего времени в дательном падеже с послелогом диэри ‘до’ представлены в формулах типа:

(1)
баттаб-а манхай-ыа-р диэри
‘Волосы’-POSS.3sg ‘сесть’-Fut-DAT Postp ‘до’
(букв. до седых волос)

Бытыг-ы-н быһа үкт-үө-р диэри
‘Борода’-POSS.3sg-ACC ‘наступить’-Fut-DAT Postp ‘до’
(букв. до тех пор, пока не наступит на свою бороду)

(2)
Кэтэб-и-н аһ-а киргил-лэ-м-мит,
Орой-у-н аһ-а толбон-но-м-мут

Noun-POSS.3sg -GEN ‘волосы’-POSS.3sg N-V-Refl-NPst
(букв. [у него] волосы затылка поседели),
(букв. волосы на темени стали с блестящими крапинками).

Выявлено, что в конструкции с простым изафетом (1) глаголы физического воздействия на объект оперируют именем в винительном падеже (ACC) -н, а в конструкции со сложным изафетом (2) глаголы качественного изменения состояния сочетаются с именем в родительном падеже (GEN) -н. Установлено также, что языковые конструкции со значением качественного

ухудшения, исчезновения, отсутствия ороговевших частей тела человека (*баттах* ‘волосы’, *ас* ‘волосы’, *бытык* ‘борода, усы’, *тииc* ‘зубы’) используются исключительно для описания возраста пожилых людей.

Причастные конструкции с компонентом *хаар* ‘снег’

Причастные конструкции, в составе которых содержится лексема *хаар* ‘снег’ в сочетании с числительными, используются для описания пожилых людей. Существительное *хаар* ‘снег’ имеет два лексических значения: ‘атмосферные осадки в виде белых хлопьев, а также сплошная масса этих осадков, покрывающая землю’ и ‘возраст’. Второе связано с культурно-историческим фактором: якуты традиционно исчисляли возраст по зимам, ассоциируя ее метонимически со снегом: столько-то лет = столько-то снегов [ТСЯЯ XIII, с. 122].

Отсюда следует, что лексема *хаар* в прямом значении имеет семантику временного отрезка, равного году: *үгүс хаары үрдүгэр түһэрбит* (букв. ‘растопивший на своих плечах обильный снег или много снегов’) ‘человек преклонного возраста, старец’. *Ньукулай обонньор быйыл абыс уон бэһис хаарын туолла.* – ‘В этом году старику Николаю исполнилось 85 лет’. В словарях обнаруживается и значение ‘год’ безотносительно к возрасту, попавшее туда из литературного произведения: *Настя манна киирэн бултуур буолбута син өр буолла, быйыл үһүс хаара.* – ‘Довольно много времени прошло с тех пор, как Настя стала здесь охотиться, нынче третий год’ (Н. Якутской, [ТСЯЯ XIII, с. 122]).

Использование метеорологической лексики, а именно недискретного существительного *хаар*, в описании возраста человека – довольно популярное языковое средство, которое непосредственно показывает связь якутского человека со Вселенной, его зависимость от природы.

Рассмотрим также причастные конструкции от глаголов *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопил’ в лексическом значении *аһарбыт* ‘провести, прожить, дожить’:

(1)

Конструкции с *хаар* ‘снег’ в дативе и с глаголом движения *үктэн* в значении ‘дожить до какого-либо момента времени; достигнуть какого-либо возраста’ [ТСЯЯ XII, с. 414] обозначают начало, наступление определенного года: *Быйыл сэттэ уон иккис хаарыгар үктэннэ* – ‘нынче ему семьдесят второй год пошел’.

Num	<i>хаар-ы-гар</i>	<i>үктэннэ</i>
Num	снег-Poss.3sg -DAT	наступил
	‘Наступило сколько-то лет’	

(2)

Num	<i>хаар-ы</i>	<i>санны-ы-гар</i>	<i>түһэрбит/ууларбыт</i>
Num	снег-ACC	плечо-Poss.3sg-DAT	растопил
	‘Прожил столько-то лет’.		

В конструкции с глаголами физического воздействия на объект *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопить’ (1) компонент *хаар* ‘снег’ в аккумулятиве служит объектом действия, компонент *санны-гар* ‘на плечах’ в дативе служит обстоятельством действия.

Таким образом, в якутском языке наличие конструкций с компонентом *хаар* ‘снег’ в качестве средств выражения возраста человека также обусловлено спецификой мировосприятия якутов, согласно которой люди были не только тесно связаны с суровой природой, но и сильно зависели от нее. Лексема *хаар* зафиксирована в двух видах глагольных конструкций: с глаголами *үктэн* ‘наступить – наступление года; с глаголами *түһэрбит/ууларбыт* ‘растопил’ – проживание года.

Заключение

Нами были выявлены основные глагольные и причастные конструкции, выражающие возраст в якутском языке, и их культурно-специфичные компоненты, играющие ключевую роль в усилении антропоцентрической семантики того или иного слова или оборота: компонент саас 'год', различные соматизмы, компонент хаар 'снег'.

Можно предположить, что использование в якутском языке конструкций с характерными компонентами-соматизмами для выражения возраста человека было обусловлено специфической ментальностью якута-скотовода, для которого понятия 'тело', 'плоть' имели большее значение. Носители этой культуры много наблюдали за изменениями, происходящими в процессе физического развития домашнего скота, и переносили их на людей. Это визуальное впечатление, вероятно, отразилось на развитии образного языкотворчества якутов (метонимического и метафорического), особенно ярко проявляясь в подсчете лет, прожитых индивидом, и в определении его возраста, этапов возрастного развития и старения при помощи «неформальных» языковых средств. В коллективной памяти до сих пор сохранились оценки и описания состояний человеческого тела с помощью соматизмов и глаголов состояния, ставших «архаичными» или периферийными в других лингвокультурах. Самой культурноспецифичной в якутском языке, тем не менее, является конструкция с компонентом *хаар* 'снег' как средство выражения возраста человека. Это обусловлено, по-видимому, уникальной суровостью якутских зим, пережить которые в странах с более теплым климатом считалось бы подвигом.

Список сокращений

ACC – accusative / винительный падеж;
DAT – dative / дательный падеж;
Fut – future / будущее время;
GEN – genitive / родительный падеж;
Noun – имя существительное;
Num – number / числительное;
Poss – possessive / форма принадлежности;
Prop – proprietive / аффикс обладания -лаах;
sg – singular / единственное число;
Postp – послелог;
PROP – proprietive / аффикс обладания -лаах.

Список литературы

- Анисимов Р. Н.** Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология, 2018. Т. 17. № 9: Филология. С. 31–42.
- Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Спб.: Наука, 1996. 264 с.
- Бондарко А. В.** Функциональная грамматика // Актуальные проблемы современной лингвистики. Учеб. пособ. М., 2006. С. 63–86.
- Борисов Ю. П.** Эпические формулы северной, центральной и вилкойской региональных традиций якутского олонхо: сравнительный аспект // Научный диалог. 2019. № 12. С. 120–137. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137>
- Гоголев И. М.** Черный стерх. М., 1990. 272 с.
- Готовцева Л. М., Андреева А. В.** Лингвокультурологический анализ фразеологизмов, обозначающих понятие возраст человека (на материале немецкого и якутского языков) // Рос-

- сия – Германия: историко-культурные контакты: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию Г. Ф. Миллера. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2006. С. 258–269.
- Кулаковский А. Е.** Ырыа-хоһоон / Өксөкүлээх Өлөксөй; сост. Л. Р. Кулаковская. Якутск: Бичик, 2012. 368 с.
- Нелунов А. Г.** Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд. СО РАН; Филиал «ГЕО», 2002. Т. 1. 287 с.; Т. 2. 420 с.
- Охлопков Е. Г.-Буоратай.** Үрүн Уолан бухатыыр: олонхо / Бэчээккэ бэлэмнээтилэр А. Н. Данилова, Н. В. Павлова; эппиэттиир эрдээктэр А. А. Кузьмина. Дьокуускай: Көмүөл, 2019. 224 с.
- Сагатова С. С.** О вербальной категоризации возраста человека // Вестник Казахского национального ун-та. Серия Филология, 2005. № 3(85). С. 96–99.
- Сай С. С.** Действительные причастия // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.). Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. Спб.: Нестор-История, 2017. С. 463–524.
- Серошевский В. Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I (А). 680 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. Т. II (Б). 912 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII (С). 572 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015. Т. XII (У, Y). 598 с.
- Толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016. Т. XIII (X). 639 с.
- Убрятова Е. И.** Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 304 с.
- Убрятова Е. И.** Синонимы и структура якутского параллелизма // Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 234–242.
- Филиппов Г. Г.** Причастие в системе глагольных форм // Вестник северо-Восточного федерального ун-та, 2010. Т. 7. № 4. С. 89–100.
- Шамина Л. А.** Аналитические конструкции с семантикой опасения и предостережения в тувинском языке // Сибирский филологический журнал, 2020. № 3. С. 229–242.
- Baker M., Vinokurova N.** Two Modalities of Case Assignment: Case in Sakha. Natural language and linguistic theory, 2010, no. 28(3), pp. 593–642.
- Croft W.** Radical Construction Grammar: Syntactic Theory from a Typological Perspective. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova N., Vinokurova N.** Two Different Approaches to Sakha Passives // Altay Hakpo, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Fillmore Ch. J., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of “Let Alone” // Language, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Goldberg A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Tomasello M.** Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge (MA). Harvard Univ. Press, 2003.

References

- Anisimov, R. N.** Phraseological Nomination of Age and Experience in the Yakut Language (In Comparison with the Turkic Languages of Southern Siberia). *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Series: History, Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, pp. 31–42. (in Russ.)
- Baker, M., Vinokurova, N.** Two Modalities of Case Assignment: Case in Sakha. *Natural language and linguistic theory*, 2010, no. 28(3), pp. 593–642.
- Bondarko, A. V.** Functional grammar. *Current Issues of Modern Linguistics. Study Guide*. M., 2006, pp. 63–86. (in Russ.)
- Bondarko, A. V.** Theory of Functional Grammar. Quality. Quantification. St. Petersburg: Nauka, 1996. 264 p. (in Russ.)
- Borisov, Yu. P.** Epic Formulas of the Northern, Central and Vilyui Regional Traditions of the Yakut Olonkho: A Comparative Aspect. *Scientific dialogue*, 2019, 12, pp. 120–137. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-12-120-137> (in Russ.)
- Croft, W.** Radical Construction Grammar: Syntactic theory from a Typological Perspective. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011.
- Danilova, N., Vinokurova, N.** Two Different Approaches to Sakha Passives // *Altay Hakpo*, 2015, vol. 25, pp. 117–131.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. I (A), 680 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. II (B), 912 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. VIII (B), 572 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. XII (Y, Y), 598 p.
- Explanatory Dictionary of the Yakut Language / Ed. P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka, 2004, vol. XIII (X), 639 p.
- Filippov, G. G.** Participle in the System of Verb Forms. *Bulletin of the North-Eastern Federal University*, 2010, vol. 7, no. 4, pp. 89–100. (in Russ.)
- Fillmore, Ch. J., Kay, P., O'Connor, M. C.** Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of “Let Alone”. *Language*, 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.
- Gogolev, I. M.** The Black Siberian Crane. M., 1990, 272 p. (in Russ.)
- Goldberg, A.** Constructions at Work: The Nature of Generalization in Grammar. Oxford, Oxford Univ. Press, 2006.
- Gotovceva, L. M., Andreeva, A. V.** Linguistic and Cultural Analysis of Phraseological Units Denoting the Concept of a Person’s Age (On the Material of the German and Yakut Languages). *Russia—Germany: Historical and Cultural Contacts: Materials of the Intern. Scientific Conf. Dedicated to 300th Anniversary of G. F. Miller*. Yakutsk: IGI AN RS (YA), 2006, pp. 258–269. (in Russ.)
- Kulakovskij, A. E.** Yrya-hohoon / Өксөкүлөх Өлөксөй; L. R. Kulakovskaya. Yakutsk: Bichik, 2012, 368 p. (in Yakut)
- Nelunov, A. G.** Yakut-Russian Phraseological Dictionary. Novosibirsk: SB RAS Pub. House. «GEO», 2002, vol. 1, 287 p.; vol. 2, 420 p.
- Ohlopkov, E. G.-Buorataj.** Үгүн Uolan buhatyyr: olonho / Becheekke belemneetiler A. N. Danilova, N. V. Pavlova; eppiettiir eredeekter A. A. Kuz'mina. D'okuuskaj: Kөмүөл, 2019, 224 p. (in Yakut)
- Sagatova, S. S.** On the Verbal Categorization of a Person’s Age. *Bulletin of the Kazakh National University. Series Philology*, 2005, no. 3(85), pp. 96–99. (in Russ.)
- Saj, S. S.** Active Participles; V. A. Plungyan, N. M. Stoinova(eds.). Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Issue II. Syntactic Constructions and Grammatical Categories. St. Petersburg: Nestor-History, 2017, pp. 463–524. (in Russ.)

- Seroshevskij, V. L. Yakuts. A Preliminary Ethnographic Study. M., 1993, 736 p.
- Shamina, L. A. Analytical Constructions with the Semantics of Fear and Warning in the Tuvan Language. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 3, pp. 229–242. (in Russ.)
- Ubryatova, E. I. Studies on the Syntax of the Yakut Language. Simple Sentence. M.-L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1950, 304 p. (in Russ.)
- Ubryatova, E. I. Synonyms and Structure of the Yakut Parallelism. In: Selected works. Research on Turkic Languages. Novosibirsk: RIC NGU, 2011, pp. 234–242. (in Russ.)

Сведения об авторе

Ирина Борисовна Иванова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Irina B. Ivanova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;

одобрена после рецензирования 01.07.2022; принята к публикации 27.07.2022

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 01.07.2022; accepted for publication 27.07.2022.